

Письмо отцу

Не знаю, с чего начать. Может, с того, что я с детства стеснялся быть твоим сыном? Стоило нам пойти в магазин или на рынок, как тебя тут же обступали люди, — и от этого становилось ужасно неловко, начинало казаться, что я — не Я, не сам по себе, а приложение к тебе — «сын Леонова».

В школе я учился не бог весть как, до шестого класса играл под партой в машинки или солдатики. А вообще любил болеть, оставаться дома и читать книги... Из-за моих двоек тебя часто вызывали. Конечно, ты ссылался на занятость, нередко перекладывал эту тяжелую обязанность на мамины плечи, но иногда все же приходил. Очень нервничал! Сутулился, краснел, бледнел, виновато вздыхал... А тебя отчитывали, говорили: «Из вашего балбеса ничего не получится. Пусть заканчивает семь классов и идет в шоферы». И мне, подглядывающему из-за двери, было очень плохо. Потом мы молча шли домой, несколько дней ты дулся и со мной не разговаривал. Ты редко кричал, и все как-то театрально, не по-настоящему, без злости. Но однажды за очередную двойку решил-таки меня наказать: «Отведу тебя в лес, в лесной интернат». (Я так никогда и не узнал, что это такое.) Собрал мои вещички, взял за руку и повел. Но характера у тебя хватило только до первого этажа. Мама не

раз и подзатыльники мне давала, и в угол ставила, а ты не мог.

Ты был очень спокойным и мягким человеком. То и дело старался всех примирить. Заботился не только о нас с мамой. Постоянно за кого-то просил, кому-то помогал. Такой Винни-Пух – хлопотун.

За другого ты мог бороться, а за себя – никогда. Когда тебя обижали, ты уходил. В театре Станиславского, где ты отработал более двадцати лет, ты был секретарем партбюро театра. Когда возникали конфликтные ситуации, а в театре, к сожалению, это бывает, ты всегда стоял на стороне товарища, а однажды, почувствовав свою беспомощность, бросил пиджак на пол, стал его топтать и кричать. Конечно, ты отстаивал справедливость, но вскоре и за твоей спиной начались интриги. А в это время ты получил приглашение в театр Маяковского, где художественным руководителем был твой учитель Андрей Александрович Гончаров, и ушел из труппы. Ушел, но продолжал играть в спектаклях, а вскоре узнал, что бывшие друзья говорят: «Зачем нам Леонов, у нас что, своих артистов нет?»

Еще через пять лет, не стерпев обиды, ты ушел из театра Маяковского. История почти смешная: напротив нашего дома открылся большой рыбный магазин, и там снимали рекламу. Только ты вошел, продавщицы бросились к тебе: «Ой, Евгений Павлович, миленький, помогите!» Когда рекламу рыбы нототении показали по телевидению, ре-

жиссер при всей труппе сказал: «Видно, костлявая рука голода совсем задушила народного артиста, может, пустим шапку по кругу...» Такого ты простить не мог и перешел к Марку Захарову.

Зато народ тебя боготворил! Помню, накануне Нового года вышел фильм «О бедном гусаре замолвите слово», в котором твоего героя убивают. И пришло письмо из Ленинграда: «Доложите своему начальству, что оно испортило застолье всему советскому народу. Как оно могло в такой день направить ружье на нашего любимого актера?!»

Тебе частенько приходилось уезжать на гастроли, на съемки. Мы с мамой, оставаясь дома, каждый раз так ждали твоего возвращения! И если ты должен был вернуться поздно ночью, мама не отговаривала меня спать. Однажды, ночью, я так заигрался, что, когда ты приехал, в твою сторону лишь рассеянно кивнул: «Привет, па!» Ты положил передо мной какие-то свертки: «Это тебе, сынок», — и ушел на кухню. Только потом я понял, как ты огорчился. Но ты меня не винил, решил, что сам виноват: слишком мало времени уделяешь сыну...

Дома у нас вечно было многолюдно — то родственники, то друзья. Мама, всегда замечательно готовившая, накрывала большущий стол. А ты, щедро хлебосольный, тащил в дом огромные сумки с продуктами. И на мамино ворчание: «Куда столько, ведь все пропадет!» — весело отвечал: «Не пропадет — позовем гостей!»

О, я помню каждый наш Новый год!.. Ты обязательно приносил живую елку – считал, что в доме должно пахнуть лесом, иначе какой праздник. И вот стоит среди комнаты зеленая красавица, вокруг мы, ребягня, с разноцветными стеклянными шарами, с бумажными гирляндами, а на столе – чудесный мамин торт и гора мандаринов.

Тридцать первого декабря ты устраивал с нами, детворой, спектакль. Помню, мне лет пять, разыгрываем «Три поросенка». Ты – волк (твое знаменитое «р-р-р-р!» в «Джентльменах удачи» именно с наших детских утренников и пошло). И вот – сказка движется к финалу: волк сломал домик Ниф-Нифа, Нуф-Нуфа и подбирается ко мне, Наф-Нафу. Я дрожу под журнальным столиком, но в полной уверенности, что тебе, совсем не худенькому, ко мне под стол не забраться. А ты вдруг встал на четвереньки и начал протискиваться между витых ножек. Тогда я выскочил из своего убежища, а ты смешно застрял под столом. До сих пор вижу: стоишь на четвереньках – то ли волк, то ли огромная черепаха с «панцирем» на спине, – и глаза твои счастливо, по-доброму смеются.

Тебе всегда хотелось устроить нам праздник. Наверно, потому что твое детство не было особенно радостным. Тебе не исполнилось еще и пятнадцати лет, когда началась война. Юность была голодной, без праздников и свиданий, ты работал учеником токаря на заводе наравне со взрослыми – по четырнадцать часов в сутки. Но уже тог-

да мечтал о театре! С пятого класса ты занимался в драматическом кружке. Вы с ребятами сами сочинили водевиль, сами его поставили — ты рассказывал, что тебе тогда очень нравилось строить разные гримасы, смешить окружающих. Но, увы, война вынудила тебя пойти по стопам отца и старшего брата и поступить в авиационный техникум. К театру ты вернулся лишь через несколько лет...

Мама говорит, ты всегда был скромным и стеснительным. С нею познакомился, когда тебе уже шел тридцать второй год. Ваш театр — в то время ты играл в Театре Станиславского — приехал на гастроли в Свердловск, и вы с друзьями пошли прогуляться по городу. И познакомились со студентками музыкально-педагогического училища. У одной из них было необычное, редкое и красивое имя — Ванда. Ты пригласил ее на спектакль. А после спектакля вы бродили по ночному городу, ты декламировал Блока, Есенина и за те три дня, пока театр был в Свердловске, покорило сердце девушки. Хотя родители её были против вашего брака (чего ждать от артиста!), Ванда проявила характер и вскоре навсегда уехала к тебе в Москву.

В 1959 году, когда появился на свет я, ты был в Ленинграде, на съемках «Полосатого рейса», где впервые в истории отечественного кино бегал перед зрителями голым; о моем рождении тебе сообщили как раз перед съемкой этого эпизода. Ты так обрадовался, что полез целоваться к тиграм.

Но тигров ты, конечно, боялся. Еще бы! Ведь когда на съемках ради безопасности тебя с поросёнком посадили в клетку и велели колоть его вилкой, чтобы визжал, тигры чуть не разворотили клетку и тебя задели своими когтями — будь здоров. Представляю, чего ты натерпелся...

Фильм принес тебе сумасшедшую славу, а у меня... надолго отобрал отца. После «Полосатого рейса» тебя просто «рвали на части».

Ты всегда любил комедию и хотел играть в веселых фильмах и спектаклях. Говорил: «Интересную драму я предпочту плохой комедии. Но хорошей комедии буду верен всю жизнь». Ты обожал веселить зрителей, а в реальной жизни был человеком задумчивым, сосредоточенным, серьезным. Сколько раз я наблюдал, как ты работал с текстом, оказалось, что на девяносто процентов работа актера — это работа дома. На моих глазах родилась не одна твоя роль — из воспоминаний, где-то подсмотренных деталей, подслушанных фраз... Потом, на репетициях, что-то отпадало, что-то обретало иные очертания, но ты был убежден: актеру важно поначалу самому разобраться в роли.

Ты был для меня яркой личностью прежде всего как отец, а понимание того, что ты великий артист, пришло намного позже, когда я поступил в Щукинское училище и увидел, как относились к тебе в профессиональной среде. Когда у меня возникали проблемы, я всегда советовался с то-

бой. Мы обсуждали и какие-то рабочие моменты, и личные. Но не всегда получалось поговорить свободно и спокойно: не хватало времени, ты уезжал на гастроли, мы подолгу не виделись... Да и просто о чем-то говорить было у нас не принято, каких-то вещей стеснялся я, каких-то — ты. Только после твоего ухода я понял, что мы, хоть и были внутренне близки, так и не наговорились. Видимо, и ты сам ощутил это при жизни, стал писать мне письма, которые позже составили книгу «Письма сыну». Эти бесценные твои размышления — самое дорогое наследство и самое главное богатство, которое у меня осталось от тебя.

Знаешь, какое самое важное качество я взял от тебя в профессию? Умение ждать, терпеть. Ты не раз говорил: «Рано или поздно это произойдет — тебя пригласят на ту роль, о которой мечтаешь. Другое дело, сумеешь ли ты её взять. Представь, придут к тебе и скажут: у нас заболел исполнитель роли Гамлета, сыграй! — а ты уже перегорел, уже не чувствуешь себя внутренне готовым. Случай подвернулся, а ты не можешь... Так вот, надо уметь дожидаться».

Сам ты был человеком терпеливым и неторопливым. Мы часто ездили к бабушке в Белгород и вместо одного дня тратили на дорогу три. Мама говорила: «Евгеша, что же мы так долго едем?» А ты отвечал: «Мы же никуда не торопимся, просто гуляем». Ты считал, что жизнью надо наслаждаться не спеша.

Ты никогда не отказывал мне в помощи, давал дельные советы, но не брал на себя право принимать за меня решение. Любил говорить: «Ты можешь подвести лошадь к водопою, но пить она должна сама». В детстве меня увлекала техника, и я не проявлял интереса к театру, а ты не настаивал и меня по «закулисам» не таскал. Дядя Николай занимался со мной математикой. Вы с мамой купили мне пианино, но занятия музыкой не увлекли меня, и в конце концов я расстрелял инструмент из самодельного лука (до сих пор он «со следами побоев» стоит на нашей даче). Ты учил меня, совсем юного, водить машину — а я ведь тогда едва доставал до педалей...

Моё театральное чудо произошло, когда в Театре Маяковского я увидел музыкальный спектакль «Человек из Ламанчи». Он буквально поразил меня, привел в неопишуемый восторг!.. Годом позже в «Ленкоме», где сейчас работаю, я увидел спектакль «В списках не значился» с Проскуриным в главной роли. А еще «Тиль» с Караченцовым. И мне вдруг захотелось сыграть эти роли — такие у меня появились мечты.

Ты не отговаривал меня от актерской профессии, наоборот, всячески помогал. Ты ведь работал с Михаилом Яншиным и многому у него научился, а Яншин ученик Станиславского, и ты учил меня по Станиславскому, поэтому я причисляю себя к поколению правнуков Станиславского. Кстати, и своего сына Женю я тоже не отговаривал, когда

он поступил на актерский. Более того, тешу себя надеждой, что когда-нибудь мы вместе сыграем в кино или театре...

В свои тринадцать я снялся вместе с тобой в фильме «Гонщики» — первая моя роль в кино. На съемках у тебя в распоряжении был автомобиль. Его сделали под гоночный, и мне безумно хотелось на нем промчатся. Разумеется, ты не мог отказать, и я — в нарушение закона, так как был несовершеннолетним, — гонял на нем прямо по трассе. Недаром режиссер картины Игорь Масленников написал мне потом на память: «Андрею Леонову, потрясшему нас не актерским талантом, а водительскими способностями».

Для меня было счастьем оказаться с тобой на одной съемочной площадке или играть в одном спектакле. Когда я смотрел на твою работу со стороны, казалось, это так легко, такая романтика! Но стоило самому столкнуться с профессией серьезно... Помню, в «Обыкновенном чуде», где собрался потрясающий актерский состав, меня все пытались учить, а я, уже студент театрального училища, вдруг так зажался, что вывести меня из этого состояния не могли ни Андрей Миронов, ни ты. Меня так заклинило, даже за стойку бара сесть не мог — колени не гнулись. В ужасе я думал: какой кошмар, это совершенно не моя профессия! И вдруг услышал: «Ноги расслабь — они сами согнутся». Ты сказал только это, но мне сразу полегчало — дело пошло на лад. Позже, уже в «Ленко-

ме», когда я начал играть Керубино в «Безумном дне, или Женитьбе Фигаро», перед выходом на сцену я стоял за кулисами ни жив ни мертв, и от волнения меня частенько подташнивало. «Да всё нормально! — говорил ты. — Или считаешь, что Керубино, мальчишку, попавшего в этакую передрягу, не может с перепугу тошнить?» А в одном из спектаклей у нас была сцена вдвоём: ты сидел, я подошел, присел, положил голову тебе на колени и замер. Ты выждал паузу, понял, что я молчу от страха, и тихо мне на ухо сказал: «Сынок, а ты говорить-то будешь?». Ты всегда умел вернуть мне спокойствие и уверенность.

Уже окончив театральный вуз и поступив в «Ленком», я вдруг надумал послужить в армии. Это было спонтанное решение. Ты не был этим доволен и — впервые — стал меня отговаривать. Но я, воспитанный на советских фильмах, не считал патриотизм зазорным, служба казалась мне делом правильным и важным. Я стоял на своем и, кстати, не жалею об этом. Когда все время живешь в семье, в тепличных условиях, где о тебе заботятся, стать самостоятельным можно только вдали от дома, от родных. Там мне открылся совсем другой мир. Раньше я был стеснительным, неуверенным, а вернувшись со службы, повзрослел, начал ругаться, курить, на что ты хмурился и нарочито сплевывал.

Ты приезжал ко мне в город Ковров, где я служил, за двести километров от Москвы. Ты не лю-

бил ездить зимой, без зимних шин, но всё равно садился за руль и ехал, несмотря на мои строгие запреты: «Если еще раз приедешь, останусь на сверхсрочной». — «Сынок, я же волнуюсь, как ты здесь живешь», — отвечал ты и вновь приезжал, привозил гостинцы, которые мы с ребятами сразу же съедали. Ты принимал сердечное участие во всей моей жизни. И я всегда чувствовал себя под твоей мощной защитой, которая для меня, наверное, самое важное в жизни. Мне кажется, ты и сегодня рядом со мной. Например, когда у меня что-то идет не так, я включаю телевизор (сколько раз такое было!), а на экране — какой-нибудь фильм с твоим участием. И я вижу твое лицо!

Демобилизовавшись, почти сразу я привел в дом будущую жену: «Знакомьтесь, это Александра, она будет жить здесь». Конечно, был шок — это теперь я вас с мамой понимаю, а тогда не понял. Александра — из Чили, училась в Москве на врача, кое-как говорила по-русски, была худенькая и вроде такая несчастная... Ты никак не мог запомнить ее полного имени — очень-очень длинного, состоявшего из имен чуть не сорока родственников. В конце концов стал звать её просто Сашей. Поскольку Александра была иностранкой, на меня сразу решили навесить клеймо невыездного, но у тебя был слишком большой авторитет, и обошлось. Потом у нас с Александрой родился сын, Евгений, мы стали жить семьей отдельно от вас, и тут во мне окреп мужской де-